

Не успел он убрать эту вещь обратно в инвентарь, как дверь его комнаты со скрипом отворилась.

В этот момент Мо Хуайсань, замерший со странным предметом в руке, окаменел. В голове у него билась лишь одна мысль: всё пропало.

Дверь, разумеется, толкнул Тан Юй. Поднявшись на гору, он вернулся в свою комнату, но чем больше размышлял, тем сильнее терзался чувством вины перед Мо Хуайсанем. Вспомнив, что тот, должно быть, за весь день ничего не ел, Тан Юй сходил на кухню и приготовил бульон, намереваясь принести его Мо Хуайсаню. Только вот, отворив дверь, он застал столь неловкую сцену. В постели сидел Мо Хуайсань, одетый лишь в нижнюю сорочку. Верхняя одежда была небрежно распахнута, и две розовые точки на груди то и дело показывались на смутно виднеющейся, белой и упругой коже. Его аккуратный кадык — всё это так и манило приблизиться. Увидев такую картину, даже Тан Юй почувствовал, как его тело охватывает жар.

Однако Тан Юй не зря носил своё имя: он мгновенно отогнал эти порывы, заметив нечто куда более удивительное.

Не выдержав, он наконец спросил:

— Малыш Сань, что это у тебя в руке? Свет в комнате был слегка приглушен, но Тан Юй всё же заметил, что Мо Хуайсань держит в руке какой-то предмет цилиндрической формы. Похоже, это был... вибратор?

В голове Мо Хуайсаня всё ещё эхом отдавалось слово «провал», а когда раздался голос Тан Юя, он машинально сунул этот предмет под одеяло. Ему было стыдно показываться людям на глаза. О небеса, система, да ты же просто погубила меня!

Спрятав вещицу, Мо Хуайсань попытался сделать вид, что ничего не произошло, и неловко произвел:

— Э-э, молодой господин, вы почему пришли? Я ничего такого в руках не держал!

Как он мог признаться, что держал вибратор? Эту вещь даже современному человеку было бы неловко вот так просто выставить напоказ, не говоря уже о здешнем мире, стилизованном под древность.

Однако неуклюжая маскировка Мо Хуайсаня в глазах Тан Юя выглядела совсем иначе: Тан Юй решил, что тот наверняка скрывает от него что-то неладное.

Сделав шаг вперед и приблизившись к Мо Хуайсаню, Тан Юй слегка улыбнулся и сказал:

— Я сварил тебе суп, выпей немного. Возможно, улыбка Тан Юя была донельзя безобидной, а может, искушение едой оказалось слишком велико, но Мо Хуайсань протянул руку, взял пиалу с супом и уже подносил её ко рту, как вдруг фигура Тан Юя мгновенно мелькнула и оказалась

прямо на его кровати. Его одеяло резким движением откинули в сторону, и цилиндрический предмет предстал перед глазами Тан Юя во всей красе.

Тан Юй протянул руку, схватил эту штуку и поднёс к самому лицу. Наконец он убедился, что Мо Хуайсань только что развлекался в комнате с фаллоимитатором. При этой мысли выражение лица Тан Юя слегка испортилось — неужели он и правда затиранил малыша Сань? Иначе с чего бы тому заниматься таким? Тан Юй совершенно не замечал, насколько странным стал ход его мысли. Даже если Мо Хуайсань и баловался с массажером, какое ему вообще до этого дело? К тому же к жестокому обращению это не имело ни малейшего отношения.

К сожалению, совершенно упустив этот момент из виду, Тан Юй с крайним недовольством уставился на Мо Хуайсаня — он считал, что тому необходимо объясниться.

— Малыш Сань, полагаю, ты должен всё объяснить. Что это за штука?

— Э-э, молодой господин, на самом деле ничего особенного... Вы не могли бы вернуть мне эту вещь? — чёрт побери, Мо Хуайсаню так и хотелось закрыть лицо руками: он чувствовал, что его позор стал абсолютным.

— Ты что, занимаешься самоудовлетворением?

— Э-э, молодой господин, вы ошибаетесь, правда нет!

— Тебе кажется, что в твоей жизни образовалась пустота?— Э-э, молодой господин, послушайте, у меня и вправду ничего такого нет, — продолжал оправдываться Мо Хуайсань.

— Ты что, чувствуешь себя одиноким?

— Э-э, молодой господин, выслушайте меня, ничего подобного и в помине нет!

Мо Хуайсань, изо всех сил пытавшийся оправдаться, чувствовал себя ужасно уставшим.

— Так ты считаешь, что твоему пустому и одинокому телу требуется утешение? Мо Хуайсань, о чём ты вообще думаешь? Я привёл тебя в бордак, так ты постеснялся. Неужели ты собираешься всю жизнь зависеть от этого...

— ...

Мо Хуайсань рухнул на пол, поверженный. Закинув голову на сорок пять градусов к небу, он безмолвно обливался слезами. Какая же у Тан Юя извращённая логика? Разве он всего лишь взял этот фаллоимитатор? Неужели от этого у него теперь разовьётся импотенция и он будет вынужден жить ради подобных вещей?

Короче говоря, пожалуй, даже он сам не заметил, насколько странным стал ход его собственных мыслей.

Мозговые волны обоих уже неизвестно до какой степени отклонились от нормы, и их мысли расходились всё сильнее. Не получив ответа, Тан Юй разозлился ещё больше. Он небрежно бросил фаллоимитатор на кровать Мо Хуайсяня и бросил:

— Хм, поразмысли над этим как следует. Эту штуку лучше выбросить, а если в будущем станет одиноко и пусто на душе — можешь прийти ко мне. Бросив эту фразу, Тан Юй просто ушел, даже забыв забрать пиалу. Мо Хуайсянь со слезами на глазах проводил взглядом удаляющуюся фигуру Тан Юя — он искренне не знал, что и сказать. Оставалось лишь найти реку и броситься в нее, ведь он действительно был чист перед небесами!

И вообще, молодой господин, что ты вообще такое несешь? Неужели Тан Юй из-под его собственного пера окончательно испортился? Что-то здесь было в корне не так!

С тех пор как произошел тот инцидент со скалкой, у Мо Хуайсяня, чье настроение было хуже некуда, и без того ужасные кулинарные навыки испортились еще сильнее. Еда, которую раньше еще можно было как-то проглотить, за этот период сделалась поистине невыносимо отвратительной.

Поэтому довольно долгое время Мо Хуайсяню казалось, что взгляд, которым Тан Юй смотрел на него, до странности неестественен. Частенько он замечал, что Тан Юй забросил тренировки и вместо этого подпирает подбородок рукой, наблюдая за ним со стороны. Чаще всего молодой господин принимал такую позу именно во время еды.

Наконец, промучившись столько дней под столь странными взглядами и ощутив, что похудел по меньшей мере на пять цзиней, Мо Хуайсянь понял, что с него хватит. И верно, неужели все главные герои со страниц книг — это сущие кредиторы, пришедшие взыскать долги?

В этот день он решил напрямую объяснить с Тан Юем.

— Молодой господин.

— А? Малыш Сань, у тебя что-то случилось?

И впрямь, Тан Юй, подпиравший подбородок и разглядывавший Мо Хуайсяня, слегка растерялся и даже не сразу откликнулся на обращение.

Задумчивость Тан Юя заставила Мо Хуайсяня сильно занервничать, поэтому он без лишних слов перешел к делу:

— Молодой господин, в последнее время вы кажетесь каким-то странным.

— О? Правда?

— Разумеется. Молодой господин, давайте начистоту: в последнее время ваш взгляд на меня падает какой-то не такой.

— А? Серьезно? Наверное, тебе показалось.

Взгляд Тан Юя заБегал. Мо Хуайсань отчетливо это заметил и лишь сильнее укрепился в мысли, что что-то определенно произошло.

— Мне не показалось, молодой господин. Если у вас есть что мне сказать, говорите прямо, иначе мне станет еще тревожнее.

Мо Хуайсань выразился предельно прямолинейно — оставалось только добавить: если есть что сказать — говори, не тяни kota за хвост.

Его слова заставили утонченное лицо Тан Юя покрыться тенью сомнения. Тан Юй нахмурился, словно ему было трудно произнести то, что крутилось на языке. Мо Хуайсань посмотрел на одетого в развеивающиеся белые одежды Тан Юя и его меланхоличный взгляд — тому и косплеить было не нужно, чтобы сойти за настоящего меланхолика. Скривив губы, он продолжил подгонять:

— Молодой мастер, да говорите же уже, даже если вы имеете ко мне какие-то претензии, я стерплю.

— Ты сам это сказал.

Непонятно почему, но в этот момент слова Тан Юя показались ему подозрительно игривыми.

И действительно, фраза, которую Тан Юй произнес следом, вдребезги разбила хрупкое сердечко Мо Хуайсаня.

— Сяо Сань-цзы, твои кулинарные навыки просто ужасны. Твой молодой мастер каждый раз смотрит на эту еду, и у него совсем пропадает аппетит.

— ...

Хочется всё бросить! Мо Хуайсань изначально гадал, какую же длинную и мудреную речь выдаст Тан Юй, но никак не ожидал, что его главный герой в итоге выдаст столь простую и в то же время сложную фразу. Простую? Ну да, подумаешь, проблемы с кулинарией. Сложную? Да ведь это чистой воды презрение к нему самому!

Совершенно не замечая, что снова ушел в дебри собственных размышлений, Мо Хуайсань позволил своему разуму вновь понестись вдаль, словно сорвавшемуся с привязи дикому жеребцу.

Чувствуя себя отвергнутым и пренебрежительным, он с остолбеневшим выражением лица посмотрел на своего молодого господина, и из его горла вырвался слегка неловкий голос:

— И что же, по мнению молодого мастера, нам теперь делать?

— По-моему, Сяо Сань-цзы, тебе стоит поучиться готовить. Не знаю почему, но после твоего недавнего ранения твои кулинарные навыки ухудшились больше чем на уровень.

Слова Тан Юя заставили Мо Хуайсаня вновь окоченеть всем телом. Неужели Тан Юй уже начал подозревать, что он — вовсе не тот несчастный слуга Мо Хуайсань, о котором говорилось в книге?

Надеревеневшими губами он попытался криво улыбнуться, понимая, что обязан объясниться:

— Молодой мастер, на самом деле после того ранения я почувствовал, что многое позабыл. — Выдержав паузу, он с особым нажимом повторил: — Правда.

— Сяо Сань-цзы, я тебе верю. Просто мы не можем больше продолжать в том же духе.

— Э-э... — Неужели от него требуют идти в ученики к поварам? Готовка и всё такое прочее — это же такая морока! И вообще, эти главные герои — сплошная головная боль! Хм, радовался бы, что хоть что-то есть поесть, а он еще и носом крутит, перебирает, ненавистный какой!

Пи-пи-пи! Внимание, хост под номером 001! Поскольку уровень недовольства главного героя Тан Юя достиг ста процентов, система объявляет выполнение основного задания. Название задания: Вперед, кулинарное мастерство! Суть задания: в течение полугода освоить приготовление не менее ста различных блюд. Награда за выполнение задания: один средний подарочный набор. Наказание за провал задания: сутки бегать голышом по улочкам городка у подножия горы. Как раз в тот момент, когда Мо Хуайсань уже собирался что-то возразить, система свалилась прямо с небес и выдала поручение страдавшему от нежелания готовить парню. Задание оказалось донельзя подлым, требования — просто издевательскими, а наказание — и вовсе за гранью добра и зла.

Стоило системному голосу умолкнуть, как Мо Хуайсань почувствовал, что внутри него всё буквально почернело от безысходности. Сквозь зубы сжав кулаки, он подумал, что появиться эта система сейчас перед ним воочию, он бы непременно от души отлупил эту сволочь.

— Дзинь! О юноша из иного мира, ты готов? Розовое, розовейшее завтра ждет тебя, поднажми, парень!

Словно находя, что Мо Хуайсань еще недостаточно настрадался от издевок, система, выдав задание, напоследок еще и поизмывалась над главным героем.

Бедный Мо Хуайсань! Мало того, что условия квеста и так были невероятно подлыми, так его еще и система дразнила. Поистине, бросать написание новеллы — дело смертельно опасное.

Безмолвно воздев очи к небесам, Мо Хуайсань подумал: будь у него хоть малейший шанс всё исправить, он бы загадал желание вернуться в те времена, когда не забросил историю, а потом честно довел бы её до конца, и тогда не пришлось бы терпеть подобные издевательства.

Мечты прекрасны, но суровая реальность бьет наотмашь. Стиснув зубы, Мо Хуайсань натянул на лицо вымученную улыбку — делать нечего, задание выполнять придется.

Вся эта сцена заняла всего пару десятков секунд. С точки зрения Тан Юя, Мо Хуайсань, выслушав его слова, ответил почти без промедления:

— Молодой господин, не беспокойтесь, я непременно освою кулинарное искусство и постараюсь стать шеф-поваром еще до возвращения учителя. Разумеется, мне понадобится ваша помощь.

План созрел стремительно. Выбора не было: научиться готовить сотню блюд всего за полгода — задача сложнейшая, и Мо Хуайсань понял, что ему срочно нужен толковый наставник.

— Какая помощь?

— Молодой господин, если можно, подыщите мне учителя. Думается мне, так дело пойдет гораздо быстрее.

— Разумное рассуждение. Договорились.

Тан Юй согласился помочь. Проводив его взглядом, Мо Хуайсань вновь задрал голову на сорок пять градусов и залился мысленными слезами: до чего же горька его судьба.

Глава 19. Жил-был великий повар

Жил-бывал в давние времена один великий повар. Его предки некогда служили поварами на императорской кухне прежней династии, и кулинарное мастерство их было поистине непревзойденным. К несчастью, империя пала, и мастеру пришлось вместе с семьей переселиться в тихий уездный городок.

Там повар открыл небольшую харчевню под названием Ишаньфан.

Прошло немало лет, сменились эпохи, а Ишаньфан по-прежнему стоял на своем месте в том же провинциальном городке, хотя слава о нем давно разнеслась далеко окрест. К нынешнему дню бразды правления харчевней перешли к третьему поколению наследников.

В нынешнем же поколении остался всего один прямой потомок, и звали его Хао Чуи.

Имя полностью соответствовало сути: кулинарный талант Хао Чуи был воистину феноменальным. Он полагал, что так и проведет всю жизнь, управляя родным Ишаньфаном, пока не встретит старость. Однако он забыл о непреложном законе: беда всегда приходит неожиданно.

В тот день он, как обычно, поднялся ни свет ни заря, направился на заднюю кухню проверить, свежи ли мясо и овощи, закупленные на рынке, и не вздумает ли кухонная челядь

лентяйничать.

Но стоило ему выйти из кухни во двор, собираясь заглянуть в главный зал, как в затылок внезапно ударила тупая боль, и мир погрузился во тьму.

Добравшись до подножия горы и наведя справки о лучшем мастере кулинарного дела — хозяином той самой харчевни Ишаньфан, — Тан Юй с блеском справился с задачей: оглушил Хао Чуи и приволок его на гору на собственной спине.

Спустя примерно полчаса работники Ишаньфана у подножия горы обнаружили пренеприятнейшее происшествие: их хозяин бесследно исчез.

Погода стояла прекрасная. Легкий вероук заставлял горные травы и деревья плавно покачивать ветвями. Мо Хуайсань, облаченный в узкорукавный халат цвета светлой лазури и обутый в простые матерчатые туфли, купленные внизу у подножия, с коромыслом на плечах направлялся на огород — поливать хилые ростки.

Тан Юй, нёсший на плече человека, как раз вовремя застал Мо Хуайсаня за этим занятием. Наблюдая картину, которая повторялась уже бог весть в который раз, Тан Юй почему-то поморщился и окликнул парня:

— Сяньцзы, постой-ка.

— А? Молодой господин, вы вернулись. Это... кто? — Мо Хуайсань замер на полушаге, коромысло на его плечах качнулось, и немало воды плеснуло из ведер на землю. Выровняв равновесие, он осторожно опустил ведра на тропинку и украдкой выдохнул с облегчением.

И лишь после этого он разглядел ношу на плече у Тан Юя. Видимо, из-за того, как именно того несли, лица пленника было совершенно не разобрать.

Тан Юй заранее знал, что Мо Хуайсань проявит любопытство. Услышав вопрос, он легко улыбнулся и сбросил Хао Чуи прямо на землю.

Бух... Бедняга шеф-повар Хао шмякнулся оземь, словно ненужный мешок мусора, причем встретился с землей самым тесным образом — лицом к лицу.

Наблюдая за этим случайным встречным, Мо Хуайсань почувствовал, как у него ёкнуло сердце. До чего же жалок этот тип, подумал он. Чем же он так насолил Тан Юю, что с ним обошлись столь бесцеремонно?

Судя по всему, Мо Хуайсань совершенно позабыл одну маловажную деталь: это ведь он сам велел Тан Юю разыскать искусного кулинара себе в учителя.

Одарив его мягкой улыбкой, Тан Юй пояснил:

— Сяньцзы, разве ты не просил найти кого-нибудь с хорошими навыками готовки, чтобы обучал тебя? Вот я тебе человека и привел.

— А?

Мо Хуайсань, только что сочувствовавший поверженному незнакомцу, вдруг почувствовал, как всё его сердце заполняет тяжелое чувство вины. Выходит, этот бедолага угодил в плен исключительно по его милости? Ох, братец, тысяча извинений...

— Это владелец харчевни Ишаньфан из городка у горы. Его кулинарное мастерство, пожалуй, лучшее во всей округе на три области и двенадцать уездов.

Произнося это, Тан Юй внимательно следил за выражением лица Мо Хуайсяня, надеясь уловить хоть искорку восторга, но его жгло разочарование.

— О, вот как... — Реакция Мо Хуайсяня оказалась на удивление вялой.

— Кхм. — Не дождавшись желаемого отклика, Тан Юй слегка помрачнел, откашлялся и, бросив напоследок неловкую фразу, удалился: — Человека я доставил. Надеюсь, вскоре я увижу приготовленный твоими руками праздничный стол. Старайся.

— Угу, буду стараться... — Фраза, которая по идее должна была звучать воодушевленно, прозвучала так уныло, будто парень собрался на собственные поминки. Поистине, этот человек обладал удивительным талантом.

Тан Юй ушел. Мо Хуайсань посмотрел на принесенную им воду, затем на бесчувственного, раскинувшегося в весьма живописной позе шеф-повара Хао и в конце концов решил сначала доделать дела — полить грядки, а уж потом заняться похищенным.

Пока Мо Хуайсань поливал огород, бедняга шеф-повар Хао так и лежал на дороге, служа кормом для голодных москитов.

Спустя полчаса с поливом было покончено. Вернувшись к месту происшествия, Мо Хуайсань подхватил Хао Чуи за шиворот и поволок в пустую кладовую — судя по всему, в ближайшие полгода это помещение должно было стать постоянным жилищем для именитого повара.

Вся эта операция по похищению человека, провёрнутая Мо Хуайсанем и Тан Юем, выглядела донельзя естественной — они ни капли не задумывались о пожеланиях самого мастера Хао. И когда шеф-повар, наконец, очнулся, то, увидев закопченный потолок в паутине и горы хаотично сваленного вокруг хлама, издал оглушительный вопль:

— А-а-а-а!

Глава 20. Чуть не умер от страха?

— А-а-а-а! — Пронзительный крик шеф-повара Хао потряс горные вершины и всю местную живность с силой землетрясения в шесть баллов. Едва этот звук разорвал тишину, как сидевший у себя в комнате и делавший глоток воды Мо Хуайсань едва не подавился насмерть.

— Кхе-кхе... — Выплюнув чай, Мо Хуайсань отер лицо и бледное, скривившееся от испуга лицо. До чего же трусливый попался шеф-повар, думалось ему. Подумаешь, кладовая!

Он как-то позабыл о том, сколько времени сюда никто не заглядывал: слой пыли там лежал в палец толщиной, а тараканов и мышей и вовсе не счесть.

Пока Мо Хуайсань едва не расставался с жизнью из-за злосчастного глотка воды, Тан Юй в своей комнате занимался медитацией. Вопль шеф-повара Хао едва не вогнал его в состояние цицзоу — отклонение от правильной практики, ведь практикующим опасней всего любые помехи.

Лицо потревоженного Тан Юя мгновенно почернело. Сдавленно сглотнув подступивший к горлу ком крови, он распахнул дверь своей комнаты и зашагал на источник шума.

У дверей кладовой Тан Юй нос к носу столкнулся с торопливо бежавшим туда же Мо Хуайсанем. Оба на мгновение замерли.

— Ой, молодой господин, у вас лицо такое бледное... Что случилось?

— Пустяки, всего лишь выплюнул глоток крови, — небрежно бросил Тан Юй. Впрочем, окажись здесь их учитель, он бы сразу понял: сейчас Тан Юй страшно разозлен.

И не только учитель — даже Мо Хуайсань, будучи создателем этого персонажа, прекрасно понимал всю серьезность ситуации, а потому благоразумно предпочел закрыть рот.

Тан Юй протянул руку и толкнул заброшенную дверь кладовой, которая, казалось, не открывалась целую вечность. Внутри обнаружился молодой мужчина, в ужасе воззrivшийся на непрошенных гостей.

Испуганное выражение лица незнакомца слегка озадачило Тан Юя. Они ведь еще ничего ему не сделали, с чего бы так паниковать?

— Вы... вы еще кто такие?!

Хао Чуи помнил лишь то, как прогуливался по собственному задворку, после чего потерял сознание. Очнулся же он в этом запущенном месте, кишашем мышами и тараканами.

<http://bllate.org/book/20765/2083667>